

Л. Н. ЛУНЦ
I. ПОСМЕРТНАЯ ЛИТЕРАТУРА О БЛОКЕ.
II. НОВЫЕ ПОЭТЫ

Публикация Т. А. Кукушкиной

Творческая деятельность Льва Натановича Лунца (1901—1924),¹ талантливого драматурга, прозаика, критика начала 1920-х гг., была недолгой, но необычайно разнообразной. За отведенные судьбой четыре творческих года он написал несколько десятков произведений, выступил в печати с собственной концепцией создания новой литературы, вместе с друзьями организовал литературную группу «Серрапионовы братья» и стал ее идейным вдохновителем. Современники неизменно отмечали необычайную одаренность, образованность, ум, природную независимость и смелость мысли, веселость и ясность его характера.² Доброжелательная критика прочила ему большое будущее, Горький считал его «серьезным и большим писателем»,³ обладающим «беспорным талантом драматурга»,⁴ официальная же пресса называла «злобным обывателем»,⁵ а его творчество — «внеоктябрьским».⁶

¹ В статье «Почему мы „Серрапионовы братья“» сам Лунц годом своего рождения называл 1902 г. В машинописной копии метрического свидетельства, выданной равнином г. Кронштадта 8 января 1910 г., также указан 1902 год рождения (цифрами и прописью). См. студенческое дело Лунца: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 7240, оп. 5, № 2562, л. 4; далее — ЦГА СПб. По свидетельству исследователя В. Шрика, в метрике, полученной родителями Лунца в 1902 г. и хранящейся в его архиве в Йельском университете, указан 1901 г. (*Шрик В.* Его душа будет завязана в узле жизни // Лунц Л. Завещание царя: Неопубликованный киносценарий. Рассказы. Статьи. Рецензии. Некрологи / Сост. и предисл. В. Шрика. Мюнхен, 1983. С. 31). Подробнее о Лунце см. в литературе, указанной в прим. 20, 21.

² См.: *Залыгин Е.* Серрапионовы братья. [Рец.] // Литературные записки. 1922. № 1. С. 7; *Горький М.* Памяти Л. Лунца // Беседа. Берлин, 1924. № 5. С. 62; *Тынянов Ю.* Льву Лунцу // Ленинград. 1925. № 22, 20 июня. С. 13; *Горький М.* Призвание писателя и русская литература нашего времени / Подгот. текста и прим. Е. Г. Коляды // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 2. С. 13; *Шварц Е.* Живу беспокойно... Из дневников. Л., 1990. С. 287, 309.

³ Из письма Горького В. А. Каверину от 25 ноября 1923 г.: Горький и советские писатели. М., 1963. С. 177 (Литературное наследство; Т. 70).

⁴ *Горький М.* Памяти Л. Лунца. С. 61.

⁵ См. в письме наркома просвещения А. В. Луначарского руководителю Малого театра А. И. Южину от 16 июля 1923 г.: А. В. Луначарский. Непзданные материалы. М., 1970. С. 377 (Литературное наследство; Т. 82).

⁶ См. в статье Л. Троицкого «Внеоктябрьская литература: Литературные попутчики революции. Серрапионовы братья. Всеволод Иванов» (Правда. 1922. 5 окт., № 224. С. 2—3).

Луниц словно спешил жить, спешил работать. В 1919 г., окончив первый курс историко-филологического факультета Петроградского университета, он сдал экстерном экзамены за три курса и перешел на последний, четвертый. Осенью того же года поступил на факультет новых языков Педагогического института при университете.⁷ Он рано включился в литературно-общественную жизнь Петрограда. С декабря 1918 г. (с семнадцати лет) по декабрь 1919 г. он — секретарь Научно-теоретической секции Центрального отдела Наркомпроса, с 1919 г. — член Дома Искусств, Дома Литераторов, участник литературной студии Дома Искусств, с июня 1920 г. — член-соревнователь Вольной философской ассоциации, с июня 1921 г. — член Всероссийского союза писателей, в 1922 г. — сотрудник издательства «Всемирная литература»,⁸ корреспондент газеты «Известия ВЦИК».⁹ Восемнадцатилетним юношей он опубликовал первые театроведческие статьи,¹⁰ затрагивающие и теоретические проблемы понимания искусства, написал пьесу «Вне закона»,¹¹ в которой, вслед за своим учителем Е. И. Замятиным, пытался осмыслить механизм перерождения власти и революции; в двадцать, будучи студентом, был принят на работу в Российский институт истории искусств (РИИИ, позже — ГИИИ) научным сотрудником второй категории по разряду (факультету) истории словесных искусств;¹² в двадцать один, по окончании университета, оставлен для научной работы на кафедре романо-германской филологии университета.¹³ Его пьесы «Вне закона» и «Бертрам де Борн», включенные в репертуар ведущих театров Петрограда, были объявлены идеологически контрреволюционными и сняты с репертуара, когда автору едва исполнилось двадцать два года.¹⁴ «Он не вошел,

⁷ См. свидетельство о сдаче экзаменов и переводе на четвертый курс от 25 августа 1919 г. и заявление Лунца о зачислении на факультет новых языков от 30 октября 1919 г. в его личном деле: ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 5, № 2562, л. 12, 2.

⁸ Осенью 1922 г. Луниц переводил с немецкого сборник К. Штернгейма «Четыре повеленья», составлял хронiku литературной жизни для журнала «Современный Запад». См. об этом запись о выполненных для издательства работах: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 46, № 53, л. 380 об., 474—475, 493; далее — ЦГАЛИ СПб. Сборник новелл Штернгейма вышел в 1923 г. в переводе В. А. Зоргенфрея под редакцией Е. И. Замятина.

⁹ См. об этом запись в дневнике К. И. Чуковского от 19 июля 1922 г.: *Чуковский К. И. Дневник. 1901—1929. М., 1997. С. 213.*

¹⁰ Об инсценировке сатирических романов // *Жизнь искусства. 1919. 4—5 нояб., № 284—285. С. 1; Детский смех // Там же. 29—30 нояб., № 305—306. С. 2; Творчество режиссера // Там же. 1920. 8—9 янв., № 337—338. С. 1; Театр Ремизова // Там же. 15 янв., № 343. С. 2; Мариводаж // Там же. 16 янв., № 344. С. 1; 19 янв., № 345—347. С. 2; 21 янв., № 348. С. 1.*

¹¹ Луниц начал писать пьесу в 1919 г., закончил в 1920 г. Опубл.: *Беседа. Берлин, 1923. № 1. С. 43—125.*

¹² Луниц числился в списках научных сотрудников РИИИ уже в конце 1921 г. (см. «Список научных сотрудников по разряду История словесных искусств»: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, № 93, л. 56), но, согласно приказу, он был утвержден в штате «как выдержавший конкурс на звание научного сотрудника 2-го разряда» с 1 января 1922 г. (см. «Журнал заседания Президиума РИИИ» от 23 января 1922 г.: Там же, № 114, л. 2).

¹³ Луниц окончил университет в начале 1922 г., выпускное свидетельство об окончании этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук получил весной 1923 г. Копия свидетельства хранится в его студенческом деле (ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 5, № 2562, л. 8).

¹⁴ Пьеса «Бертрам де Борн» напечатана в сборнике «Город» (1923. № 1. С. 9—48). О сценической судьбе обеих пьес см. в исследовании Б. Я. Фрезинского «Заколдованные сочинения Льва Лунца: Грустная история в документах и письмах» (Звезда. 1997. № 12. С. 153—156). Контрреволюционной назвал пьесу «Вне закона» А. В. Луначарский в

а стремительно влетел в литературу, легко перешагнув порог распахнувшейся двери. Он испытывал беспрестанное чувство счастья от самого факта существования литературы», — вспоминал о своем друге В. А. Каверин.¹⁵

Напряженная творческая работа, полуголодное существование в сырой комнате Дома Искусств, куда Лунц переселился в 1921 г. после отъезда родителей за границу, травматическое повреждение позвоночника стали причиной серьезного заболевания. В июне 1923 г., получив разрешение на научную командировку в Испанию, он покинул Россию, но сумел добраться лишь до своих родных в Гамбурге. Последние месяцы жизни провел в санатории под Франкфуртом и в больнице Гамбурга. Скончался 9 мая 1924 г. Елизавета Григорьевна Полонская, единственная «серапионова сестра», упоминаемая в одной из автобиографий о своей принадлежности к этой группе, с горечью писала: «Лучшим из них был Лунц. Он умер недавно. Этому еще невозможно поверить. Когдаходишь в подвальное помещение бывшего „Дома Искусств“, в темный и сырой, устланный каменными плитками коридор, где была его комната, кажется, что из-за закрытой двери услышишь его голос и смех. Он был еврейский мальчик, сентиментальный, иронический и бесконечно талантливый. В 20 лет он окончил Университет, знал 7 или восемь языков, написал три трагедии, роман, несколько рассказов, статей, сделал литературное исследование. Он чувствовал тяжесть и вкус слова. Вместе с ним мы собирались переводить Бальзака „Contes drolatiques“.¹⁶ „Увы! — говорил он мне, — что мы будем делать, Елизавета Григорьевна?! В русском языке нет легких неприличных слов. Все грубые!“ Над своей сентиментальностью он постоянно подшучивал, преувеличивал ее, раздувал ее, забавляясь ею и забавляя нас. В годы блокады, когда мы все собирались в узкой, как гроб, комнате Слонимского, он один умел поддерживать в нас веселье. Как бы мы прожили те годы без Левушки Лунца? Пусть будет о нем последнее слово в этой моей автобиографии».¹⁷

Произведения Лунца, напечатанные в двадцатые годы в малотиражных советских изданиях и берлинском журнале «Беседа», впоследствии не переиздавались. Имя его, популярное в литературных кругах 1920-х гг., долгое время оставалось однозным и

письме А. И. Южину от 16 июля 1923 г. (см.: А. В. Луначарский. Неизданные материалы. С. 375) и председатель Главреперткома И. П. Трайнин в письме Гублитгам СССР от 10 марта 1924 г. (см.: Фрезинский Б. Заколдованные сочинения Льва Лунца. С. 155).

¹⁵ Каверин В. А. В старом доме: Воспоминания // Звезда. 1971. № 9. С. 195—196.

¹⁶ Речь идет о сборнике «Озорные рассказы». См.: *Balzac O., de. Contes drolatiques.* Paris, 1832, 1833, 1837. Перевод на русский язык двух рассказов из тридцати («Прекрасная Империя», «Прекрасная Империя в замужестве») впервые выполнен Ф. Сологубом. См.: *Бальзак О., де. Озорные сказки / Пер. и предисл. Ф. Сологуба.* Пб.: Полярная звезда, 1922.

¹⁷ Из автобиографического письма Е. Г. Полонской П. Н. Медведеву от 9 июня 1924 г. См.: «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатинна. СПб., 1998. С. 76). *Е. Г. Полонская (1890—1969)* — поэтесса, очеркист, переводчик, врач. По окончании в 1914 г. Высшей медицинской школы в Сорбонне добровольно ушла на фронт, работала врачом во Франции, затем в России, на Юго-Западном фронте. В 1917 г. вернулась в Петроград. Первые стихи опубликованы под псевдонимом Елизавета Бертрам в парижском журнале «Вечера: Ежемесячник стихов» (1914. № 2. Июнь. С. 8—11), издававшемся под редакцией В. Немирова и И. Эренбурга. В 1930-е гг. писала очерки на производственные темы, занималась переводами, работала врачом. Ее воспоминания о Лунце опубликованы Б. Я. Фрезинским в журнале «Вопросы литературы» (1995. № 4. С. 311—320). Цитируемый фрагмент автобиографического письма Полонской с разночтениями был вписан ею в рабочую тетрадь 1924 г. и опубликован Б. Я. Фрезинским (Там же. С. 311).

упоминалось в отечественных справочниках и обзорах литературы как символ «враждебности к пролетарской идеологии»,¹⁸ «гнилого аполитизма, мещанства и пошлости». ¹⁹ Первые исследования, публикации произведений и писем появились в зарубежном литературоведении через сорок с лишним лет после смерти писателя,²⁰ работы отечественных историков литературы, освещающие его короткую биографию и литературное творчество, воспоминания современников — в 1980-е—1990-е гг.²¹ Единственный небольшой сборник произведений, перепечатанный с Иерусалимского издания 1981 г., вышел в 1994 г. сыном «серапионова брата» М. Л. Слонимского С. М. Слонимским.²²

В Пушкинском Доме хранятся несколько неопубликованных работ Лунца: реферат «Дети и детский вопрос у Достоевского» и контрреферат к докладу А. Л. Векслер «О композиции у Достоевского»,²³ прочитанные в конце 1918 г. в университетском семинарии С. А. Венгерова «Мир Достоевского»; реферат «Путешествие Гулливера (Формальный анализ)»,²⁴ подготовленный в 1919 г. в период занятий в литературной студии издательства «Всемирная литература»; публикуемые ныне обзорные статьи

¹⁸ *Майзель М.* Лунц Лев Натанович // Литературная энциклопедия. М., 1932. Т. 6. С. 636.

¹⁹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сокращенная и обработанная стенограмма докладов т. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. М., 1946. С. 10. См. также: История русской советской литературы: В 3 т. / Под ред. А. Г. Дементьева. М., 1958. Т. 1. С. 44—45; История русской советской литературы. 1917—1940 / Под ред. А. Метченко. М., 1975. С. 55—57.

²⁰ *Лунц Л.* Восстание вещей / Публ. Г. Керна // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 79. С. 44—79; Последняя статья Льва Лунца / Публ. Г. Керна // Там же. № 81. С. 99—103; Лев Лунц и «Серапионовы братья» / Публ. и коммент. Г. Керна // Там же. 1966. № 82. С. 136—192; № 83. С. 132—184; *Лунц Л.* Путешествие на больничной койке / Публ. Г. Керна // Там же. 1968. № 90. С. 39—57; *Шрик В.* Его душа будет завязана в узле жизни. С. 9—40.

²¹ *Горбунов А. П.* Серапионовы братья и К. Федин. Иркутск, 1976. С. 24—40, 88—95; *Евстигнеева А. Л.* «Серапионовы братья» и их младший брат Скоморох (Об архиве Л. Н. Лунца) // Встречи с прошлым. М., 1982. Вып. 4. С. 204—223; *Лунц Л. Н.* Рассказ о скопце / Публ., вступ. ст. и коммент. Д. А. Благова // Из творческого наследия советских писателей. Л., 1991. С. 285—295; Из далеких двадцатых... (Лев Лунц — «Серапионовым братьям»). 1923—1924 / Публ. Н. Фединой; Вступ., послесл. и коммент. А. Старкова // Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 236—261; Письмо А. М. Горького Л. Н. Лунцу и письма Лунца Горькому / Предисл. М. О. Чудаковой; Подгот. текста и прим. Е. Г. Коляды // Незвестный Горький. М., 1994. С. 133—161; Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким / Предисл., публ. и прим. А. Л. Евстигнеевой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. [Вып.] 5. С. 329—373; Международная конференция «Литературная группа „Серапионовы братья“. Истоки, поиски, традиции, международный контекст»: Тезисы докладов. СПб., 1995; *Фрезинский Б.* Заколдованные сочинения Льва Лунца. С. 149—171; *Кукушкина Т. А.* Л. Н. Лунц // Русские писатели. XX век: Библиографический словарь. М., 1998. С. 779—782; «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 1998. По именному указателю; *Фрезинский Б. Я.* Судьбы Серапионов (Портреты и сюжеты). СПб., 2003.

²² *Лунц Л.* Вне закона: Пьесы. Рассказы. Статьи / Вступ. ст. С. М. Слонимского; Подгот. текста и прим. М. Вайнштейна. СПб.: Композитор, 1994.

²³ РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 3, № 795. *Векслер Александра Лазаревна* (1901—после 1963) — в то время — студентка, в начале 1920-х гг. — член-соревнователь Вольфины, заведующая ее канцелярией. Эмигрировала в 1924 г.

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 840 (Собрание М. С. Лесмана).

«Посмертная литература о Блоке» и «Новые поэты»). Они написаны для двух первых номеров неосуществленного литературного журнала «Ирида», подготовленных в 1922 г. под редакцией историка литературы и библиографа Александра Григорьевича Фомина (1887—1939) в издательстве «Наука и школа». Издательство, возглавляемое историком литературы, академиком, директором Пушкинского Дома Н. А. Котляревским и философом Л. П. Карсавиным (впоследствии — историком философии, исследователем античности С. А. Жебелевым, а с 1925 г. — сотрудником Пушкинского Дома И. А. Кубасовым), объединяло крупные научные силы Петрограда и выпускало книги по философии, истории литературы, научно-техническую литературу. Журнал был задуман как продолжение одноименной газеты издательства, один номер которой со статьями С. А. Венгерова, С. А. Жебелева, Н. А. Котляревского, Б. Л. Модзалевского, С. Ф. Ольденбурга вышел в июне 1918 г. Коллектив авторов ставил задачу ознакомления читателей с современными исследованиями по истории и теории литературы, искусства, науки и новинками книжной продукции. «Газета „Ирида“ составлена очень интересно, а с внешней стороны красиво, начиная с рисунка заглавия, напоминающего Пушкинскую Литературную газету», — отмечал рецензент «Вечерних новостей».²⁵ Содержание и академический характер статей, нарочитая традиционность оформления, выпадавшие из общей тональности злободневных публикаций послереволюционного времени, вызвали и ироничные, раздраженные отзывы: «Не газета, а Пантеон какой-то. Недаром у „Ириды“ такой величаво-спокойный, исполненный благолепия и торжественности тон. <...> Кажется, что в России нашей решительно ничего не произошло и даже наоборот».²⁶ Типографский кризис, повышение стоимости бумаги не позволили продолжить издание. Новый журнал создавался теми же авторами, имел ту же программу и был ориентирован на публикацию научных изысканий. «К участию в сборниках приглашены все лица, прикосновенные к Пушкинскому Дому при Академии Наук, и ряд других литераторов и ученых», — сообщалось в апрельском номере журнала «Новая русская книга».²⁷ Судя по содержанию статей, датировке некоторых из них, перечню событий, описываемых в разделах хроники, материалы первого номера собирались с апреля по июнь 1922 г., материалы второго — в июне—августе. Апрелем 1922 г. помечено и письмо А. Г. Фомина Э. Л. Радлову с приглашением к участию в журнале.²⁸ Очевидно, в конце лета первый номер был отредактирован, написано предисловие А. Г. Фомина, но из печати он так и не вышел. Причиной могли послужить как финансовые обстоятельства,²⁹ так и изменение политической ситуации в стране, усиление цензуры,³⁰ августовские аресты среди интелли-

²⁵ Новое предприятие (Еженедельник «Ирида») // Вечерние новости. 1918. 5 июня (23 мая), № 10. С. 4.

²⁶ Ховин В. Безответные вопросы // Книжный угол. 1918. № 2. С. 23—24.

²⁷ Новая русская книга. Берлин, 1922. № 4. С. 29.

²⁸ См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 1120, № 28. Радлов Эрнест Львович (1854—1928) — историк философии и литературы, переводчик. В этот период — директор Публичной библиотеки. Среди сохранившихся материалов журнала работы Радлова нет.

²⁹ На финансовые затруднения указывалось в предисловии А. Г. Фомина к первому номеру журнала: «Несмотря на чрезвычайно трудные финансовые условия, в которых находится в настоящее время наше книгоиздательство, выходит довольно много книг» (РО ИРЛИ, ф. 568, № 125, л. 4).

³⁰ В июле «ввиду вредного направления» закрыты петроградские журналы «Экономист», «Утренники», в августе — издаваемые Домом Литераторов «Литературные записки». См. письма Политотдела Главного управления Госиздата в Политотдел Петро-

генции и последовавшая высылка многих литераторов и ученых.³¹ Второй номер журнала остался неотредактированным.

Ко времени подготовки журнала (середина 1922 г.) Лунец — известный в литературных кругах беллетрист, научный сотрудник Российского института истории искусств и кафедры романо-германской филологии университета. О научных интересах Лунца известно не много. Сохранились сведения о прочитанном им в РИИИ в декабре 1921 г. на заседании ОПОЯЗ докладе «Время у Достоевского»,³² текст которого считается утраченным. По-видимому, его работа в РИИИ была связана и с исследованием западной литературы. Косвенным свидетельством является письмо А. Л. Слонимского³³ Лунцу в Германию. Информирова Лунца о его исключении из штата научных сотрудников Института, Слонимский писал: «... виной этой жестокости не кто иной, как злодейский Виктор Максимович. Тщетно я отстаивал Ваши права на это высокое звание, доказывая, что Вы на моих глазах в Сандомуче теряли на всех столах Бальзака, с остервенением сокращали Жакерию и даже писали к ней ученое предисловие (масса эрудиции: „Проспер Мериме родился в...“).»³⁴ Несомненно лишь, что свое будущее он связывал не только с литературной, но и с научной работой. «Целыми днями за книгой. Начал готовиться к магистерским экзаменам», — писал он родителям 30 января 1923 г.³⁵ Сотрудничеством с ведущими историками литературы он, безусловно, дорожил. Л. Б. Харитон, рассказывая в письмах Лунцу о наиболее важных и интересных для него событиях петроградской жизни, упоминала и о подготовке историко-литературных сборников под редакцией пушкинодомцев Б. Л. Модзалевского, Н. К. Пиксанова и Ю. Г. Оксмана.³⁶ Написанные для «Ириды» реферативные обзоры «Посмерт-

градского отделения Госиздата от 7 июля и 8 августа 1922 г. : ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2, № 4, л. 40, 59.

³¹ 10 августа 1922 г. ВЦИК «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», принял постановление «Об административной высылке» (Петроградская правда. 1922. 18 авг., № 185. С. 2). 31 августа в «Правде» появилось официальное сообщение о состоявшихся арестах и высылке со значимым заголовком «Первое предостережение»: «Политиканствующие ученые-профессора на каждом шагу оказывают упорное сопротивление Советской власти. <...> Художественная литература, создававшаяся в этих кругах, была также антисоветской. <...> По постановлению Государственного политического управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессуры, врачей, агрономов, литераторов высылаются частью в северные губернии России, частью — за границу». Среди намеченных к высылке был и Л. П. Карсавин, один из руководителей издательства «Наука и школа».

³² Эти сведения приведены в заметке «Разработка поэтики в последние годы» (Летопись Дома Литераторов. 1921. № 4, 20 дек. С. 5).

³³ Слонимский Александр Леопидович (1881—1964) — историк литературы, брат «серапиона» М. Л. Слонимского. В начале 1920-х гг. — член ОПОЯЗ. См. его статью о Лунце «В поисках сюжета» (Книга и революция. 1923. № 1. С. 6).

³⁴ Из письма от 8 октября 1923 г.: Лев Лунец и «Серапионовы братья» // Новый журнал. 1966. № 82. С. 167. Лунец был уволен из Института в связи с отъездом за границу (см. протокол заседания Президиума Института от 28 сентября 1923 г.: ЦГАЛИ СПб., ф. 82, оп. 1, № 132, л. 9). Виктор Максимович — В. М. Жирмунский, в начале 1920-х — председатель разряда (факультета) истории словесных искусств РИИИ. Сандомуч — санаторий Дома ученых в Детском Селе, где Лунец проходил курс лечения в конце декабря 1922 г. — начале января 1923 г. Жакерия — пьеса Проспера Мериме «Жакерия. Сцены феодальных времен» о крестьянском восстании во Франции XIV в.

³⁵ Letters from Lev Luntz // Russian Literature Triquarterly. 1978. № 15. P. 353. Цит. по: Шрик В. Его душа будет завязана в узле жизни. С. 16.

³⁶ Письмо от 31 августа 1923 г.: Лев Лунец и «Серапионовы братья» // Новый журнал. 1966. № 82. С. 159. Харитон Лидия Борисовна (в замуж. Черненко; 1900—1975) —

ная литература о Блоке» и «Новые поэты» должны были стать его первой публикацией в серьезном научном журнале.

Обе работы не датированы. По-видимому, над обзором литературы о Блоке, предназначенном для первого номера журнала, Лунц работал в конце весны или в июне 1922 г., над обзором поэзии, помещенном редактором во второй номер, — в июле—августе. Обзор литературы о Блоке охватывает некрологи и воспоминания друзей поэта, отклики официальной прессы, исследовательские сборники и книги, появившиеся в конце 1921—начале 1922 гг. Это первая попытка осмысления восприятия творчества поэта, предпринятая современником и его несомненным почитателем. Лунц не входил в круг близких знакомых Блока. Достоверно известно лишь об одной их встрече 27 января 1919 г. на заседании Научно-теоретической секции Театрального отдела Наркомпроса, протокол которого вел Лунц.³⁷ Обращение к этой теме в значительной степени обусловлено литературно-общественной реальностью: спорами о послереволюционном творчестве Блока, его поэме «Двенадцать» и полемикой вокруг идеологической ориентации «Серapiоновых братьев», развернувшейся весной 1922 г. Дискутируемый в печати вопрос — с кем должен быть писатель — в середине 1922 г. был предъявлен и «серapiонам». В ответных статьях, написанных за короткий период, с марта по ноябрь 1922 г. («Письмо в редакцию (Ответ „Серapiоновых братьев“ Сергею Городецкому)»,³⁸ «Почему мы „Серapiоновы братья“»,³⁹ «Об идеологии и публицистике»,⁴⁰ «На Запад!»⁴¹), Лунц последовательно отстаивал свои взгляды на искусство, противоположные официальным. Понимая искусство как некую данность, развивающуюся по собственным, независимым от политических и общественных задач законам, сущность искусства он видел не в пропаганде социальных идей, не в отображении, а в изображении действительности. Возражая чиновникам, распоряжающимся «о чем» и «как» надо писать, Лунц заявлял: «Всякую тенденциозность „Серapiоновы братья“ отвергают в принципе <...>. Искусству нужна идеология художественная, а не тенденциозная».⁴² Объявив «гениальным патроном» «Серapiоновых братьев» не марксистскую идеологию, а пустытника Серapiона, «творца невероятного и неправдоподобного», он настойчиво утверждал, «что литературные химеры — особая реальность <...>. Искусство реально, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать».⁴³ Конечно, Лунц не претендовал на создание новой теории искусства. Он понимал, что «это азбучные истины».⁴⁴ Его размышления об искусстве как особой, независимой данности созвучны идеям Блока о поэзии — безначальной стихии, «таящей в себе семена культуры» и «тайной свободе» творчества,

дочь Б. О. Харитона, журналиста, заведующего Домом Литераторов, редактора журналов «Летопись Дома Литераторов» и «Литературные записки». Одна из «серapiоновских девиц», часто бывавшая на их собраниях.

³⁷ См. протокол заседания Секции от 27 января 1919 г.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 200 (Литературное наследство; Т. 92).

³⁸ Жизнь искусства. 1922. 28 марта, № 13. С. 7. Подписанное всеми «серapiонами», «Письмо», конечно, в значительной степени принадлежит перу Лунца.

³⁹ Литературные записки. 1922. № 3. С. 30—31. Статья прочитана в конце июня 1922 г. на заседании «Серapiоновых братьев» по случаю 100-летия со дня смерти Э. Т. А. Гофмана. См. анонс в журнале «Книга и революция» (1922. № 6. Июль. С. 73). Опубликована в августе 1922 г.

⁴⁰ Новости. 1922. 23 окт., № 3. С. 3.

⁴¹ Беседа. Берлин, 1923. № 3. С. 259—274. Прочитана на собрании «Серapiоновых братьев» 2 декабря 1922 г.

⁴² Письмо в редакцию (Ответ «Серapiоновых братьев» Сергею Городецкому). С. 7.

⁴³ Лунц Л. Почему мы «Серapiоновы братья». С. 31.

⁴⁴ Там же.

высказанным им в речи «О назначении поэта».⁴⁵ Возможно, и оформились его взгляды не без влияния этого выступления и, по сути дела, Лунц присоединяется к позиции Блока. Но в середине 1922 г. он единственный осмелился вступить в диалог с властью и потребовать от нее открытого признания своих притязаний на создание подконтрольной, управляемой литературы. В канву теоретических статей Лунца середины 1922 г. органично вписывается и обзор литературы о Блоке, созданный в этот же период. С позиции отрицания любой тенденциозности (идеологической, научной, личностной) в оценке художественного произведения Лунц подходит и к реферированию литературы о Блоке. Со свойственным ему полемическим задором он решительно отклоняет попытки критиков отыскать в последних произведениях поэта отражение идеологии революционной эпохи: «Первыми откликнулись на смерть Блока газеты. Революционер Блок или контрреволюционер? Что такое „Двенадцать“: апология революции или насмешка над революцией? В моем обзоре нет места этим некрологам». Обосновывая свои взгляды в декларативной статье «Почему мы „Серапионовы братья“», написанной, по-видимому, вслед за обзором, он возвращается и к дискуссиям о Блоке: «И нам все равно, с кем был Блок — поэт, автор „Двенадцати“, Бунин — писатель, автор „Господина из Сан-Франциско“».⁴⁶

В равной степени неприемлемы для Лунца и литературная и научная тенденциозность, в частности, стремление А. Белого проанализировать творчество Блока с позиции идеологии «скифства», и попытки исследователей проиллюстрировать на примере его поэзии собственные научные теории. В ироничных замечаниях в адрес А. Белого и Иванова-Разумника проявились и его расхождения с теориями «скифов». Членство его в Вольфиле, близкой умонастроениям «скифства», было скорее обусловлено общей тенденцией послереволюционных лет к объединениям и союзам и стремлением испробовать свои силы в ассоциации, объединившей ведущих литераторов и ученых, нежели разделением позиции некоторых ее руководителей. «У нас тут царит Иваново-Разумничанье самого дурного тона», — сетовал он в письме к Горькому.⁴⁷

Середина 1922 г. для Лунца — период переоценки устоявшихся критериев и конструирования новых идейно-эстетических координат. Вдохновленный идеей преобразования литературы, он усиленно искал новые образцы и ориентиры, ломающие традиционные представления. «Вещи его не напечатаны, потому что они не традиционны», — писал о нем В. Б. Шкловский.⁴⁸ В дискуссиях начала 1920-х гг. о развитии новой русской литературы Лунц занимал позицию, альтернативную господствующей в литературных кругах московской, «почвеннической» линии (Б. Пильняк, В. Лидин, А. Малышкин), восходящей к неонароднической традиции. «Я не хочу писать так, как пишут 9/10 русских беллетристов и как пишут, в конце концов, и Пильняк, и боль-

⁴⁵ Тексты выступлений А. А. Блока, А. Ф. Кони, В. Ф. Ходасевича на первых «Пушкинских поминках», организованных петроградским Домом Литераторов, опубл.: Пушкин. Достоевский. Пб.: Изд. Дома Литераторов, 1921.

⁴⁶ Литературные записки. 1922. № 3. С. 31. Упоминание имени Бунина, знакового в литературных дискуссиях об отношении интеллигенции к большевистской власти, — реплика Лунца на близкую ему позицию И. Эренбурга: «Я вполне понимаю, что иным близок Бунин и чужд Белый, но, любя в Бунине не публициста, а художника, они тем самым приобщаются к цельному, неделимому сокровищу русской литературы и должны дорожить, пусть далеко, но великим писателем Белым. Ибо нельзя, любя Толстого, жечь книги Достоевского» (*Эренбург И. Au—dessus de la melee // Русская книга. Берлин, 1921. № 7—8. Июль—август. С. 2*). См. также отклик на эту статью Б. О. Харитона «Две точки зрения» (Летопись Дома Литераторов. 1921. № 2, 15 нояб. С. 5).

⁴⁷ Из письма от 16 августа 1922 г.: Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким. С. 337.

⁴⁸ Шкловский В. Б. Современники и синхронисты // Русский современник. 1924. № 3. С. 232.

шинство „серапионов“. Я не хочу густого, областного языка, мелочного быта, пудной игры словами, пусть цветистой, пусть красивой. Я люблю большую идею и большой, увлекающий сюжет, меня тянет к длинным вещам, к трагедии, к роману, непременно сюжетному. А Ремизова, а Белого — не терплю», — сообщил он Горькому.⁴⁹ Убежденный западник, он считал прежнюю, «образцовую» литературу инертной, медлительной, перегруженной бытовым психологизмом и управляемой общечеловеческой, он пылко верил, что будущее литературы — за произведениями, созданными на основе остро сюжетной фабулы по образцу западноевропейского романа. В сентябре 1922 г., завершив работу над остро сюжетной пьесой «Бертран де Борн»,⁵⁰ в предисловии к ней Лунц излагает принципы обновления литературного процесса (в частности, драматургии), получившие развернутое обоснование в статье «На Запад!» (ноябрь).⁵¹ Одним из критериев в спорах о старой и новой литературе был тезис о фабульности. По мнению Лунца, освоение фабулы, насыщенной действием, пафосом, дающей простор фантазии, мыслям и чувствам, может оживить современную русскую литературу, ориентированную лишь на «отображение действительности, житейских взаимоотношений». «Но разве не знают русские народники, что в искусстве точное отображение эпохи, действительности невозможно? Искусство преобразует мир, а не срисовывает его. <...> Народничество — вот типичное уродливое порождение нашей антифабульной критики».⁵² Тезис Лунца об освоении русской литературой фабулы был глубинным образом связан с его постулатом об искусстве как особой реальности, свободной от тенденциозных установок, об искусстве, изображающем, а не отображающем. С позиции актуализированной проблемы сюжетосложения Лунц оценивал и все литературные новинки,⁵³ в особенности — произведения «серапионов»,⁵⁴ порицая их за традиционный «бытовизм» и забвение сюжетности, и — собственное творчество.⁵⁵

Обзорная статья «Новые поэты», одна из первых по времени написания работ Лунца, содержащая тезис о сюжетности произведений, построена на противопоставлении двух ответвлений гумилевской школы, заявивших о себе на рубеже 1921 -- 1922 гг. — постгумилевского «Цеха поэтов» и поэтических кружков «Островитяне» и «Звучащая раковина».⁵⁶ Творчество участников «Цеха поэтов», ориентированное на создание «правильных», «безошибочных» стихов, которые «нельзя ни хвалить, ни порицать», Лунц причислял к «образцовой» линии в современной ему поэзии. «После смерти Гумилева, — вспоминал Сергей Нельдихен, — в Цехе равнение пошло на Г. Иванова и Г. Адамовича, как на наиболее старших. Интерес к „исканиям“, „пово-

⁴⁹ Из письма от 16 августа 1922 г.: Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким. С. 336.

⁵⁰ Город: Литература. Искусство. Пб., 1923. [№] 1. Январь. С. 9—48.

⁵¹ Беседа. Берлин, 1923. № 3. С. 259—274.

⁵² Там же. С. 267—268.

⁵³ Лунц Л. Цех поэтов: Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой; Георгий Иванов: «Сады»; Н. Гумилев: «Огненный столп». [Рец.] // Книжный угол. 1922. № 8. С. 48—54; он же. Илья Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. [Рец.] // Город: Литература. Искусство. Пб., 1923. [№] 1. С. 101—102.

⁵⁴ Лунц Л. Вс. Иванов. Седьмой берег. [Рец.] // Книга и революция. 1923. № 1. С. 55—56.

⁵⁵ Лунц Л. На Запад! // Беседа. Берлин, 1923. № 3. С. 259—274.

⁵⁶ О конкуренции «Островитяне» и «Цеха поэтов» см.: *Anemone A., Martynov I.* The Islanders Poetry and Polemics in Petrograd of the 1920 s. // Wiener Slavistischer Almanach. 1992. Bd 29. S. 111; *Дмитренко А. Л.* К истории содружества поэтов «Островитяне» (Машиннописный альманах) // Русская литература. 1995. № 3. С. 212.

му" в Цехе прошел, выдвинут был лозунг „возвращения к Пушкину“).⁵⁷ Свое отношение к этой неперспективной, «мертвой», по его мнению, линии развития гумилевской школы он высказал еще в начале 1922 г. в рецензии на альманахи «Цеха».⁵⁸

Противоположной «Цеху поэтов» была ориентация учеников Гумилева, членов созданного им объединения «Звучащая раковина», и его студийцев, объединившихся в 1921 г. в кружок «Островитяне». Творческая установка на внутреннюю свободу и развитие индивидуальности, «широкая беспартийность <...> взглядов», провозглашенная («Звучащей раковиной»)⁵⁹ и выдвинутая «Островитянами» задача «борьбы с духом академизма и цеха в поэзии, комнатного затворничества»,⁶⁰ были близки и к монашеским «Серапионовым братьям».⁶¹ Не случайно многие их участники входили одновременно в разные поэтические кружки и печатали свои стихотворения в альманахах и «Звучащей раковины», и «Островитян», и в абсолютно беспрограммном сборнике «Ушкуйники». Членами «Островитян» были «серапионы» Н. Тихонов и Е. Поллонская, в ряды «серапионов» пытался вступить и «островитянин» С. Колбасев, но не был принят.⁶² Объединение в содружества без уставов и программ, типичное для 1921—1922 гг., в значительной степени — естественная реакция на многочисленные запреты послереволюционного времени, «когда всем был дан один железный и скучный устав».⁶³ Нельзя все же исключить и влияния «серапионов» на развитие обоих поэтических содружеств. В начале 1922 г. члены «Звучащей раковины» и «Серапионовы братья» даже намеревались создать совместное издательство «Огненный столп», в программе которого был выпуск сборников «Звучащей раковины», альманахов «Литературные понедельники» и отдельных сборников молодых авторов.⁶⁴ В январе 1923 г. был выпущен сборник «Город», составленный из произведений участников «понеделничков у Наппельбаумов» — членов «Звучащей раковины», «Островитян» и «Серапионовых братьев».⁶⁵ Авторам сборника предъявлялось лишь требование «достаточной культуры в своей области независимо от их художественных направлений».⁶⁶ Близкой «серапионам», и в первую очередь Лунцу, была и ориентация «Островитян» на поиск новых поэтических форм. Несомненно, такое содружество кружка прозаиков и кружков поэтов импонировало Лунцу и с этими поэтическими объединениями он связывал будущее поэзии.

⁵⁷ Нельдихен С. Общественно-литературная жизнь Петрограда // Накануне. Берлин, 1922. 17 нояб., № 188. С. 2.

⁵⁸ Лунц Л. Цех поэтов: Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой.

⁵⁹ В предисловии к альманаху «Звучащая раковина» (Пб., 1922) его участники заявляли, что беспартийностью своих взглядов и отсутствием поэтической платформы они обязаны «своему почетному синдикку Гумилеву».

⁶⁰ Из автобиографии Н. С. Тихонова 1923 г.: «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. С. 152.

⁶¹ На типологическую близость «Серапионовых братьев» и «Островитян» указывается в работах: *Анепоне А., Мартынов I. The Islanders Poetry and Polemics in Petrograd of the 1920 s. S. 110; Дмитриенко А. Л. К истории содружества поэтов «Островитяне». С. 211.*

⁶² См.: *Тихонов Н. Моя жизнь: Автобиография // Красная панорама. 1926. № 41, 8 окт. С. 7; Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 89.*

⁶³ Лунц Л. Почему мы «Серапионовы братья». С. 30.

⁶⁴ См. заявление М. С. Наппельбаума в Государственное издательство от 11 января 1922 г. с отрицательной резолюцией Госиздата: ЦГАЛИ СПб., ф. 35, оп. 1, № 47, л. 42.

⁶⁵ От «серапионов» в сборнике участвовали Лунц (пьеса «Бертран де Борн» и рецензия на книгу И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников»), И. Груздев (рецензия) и Н. Тихонов (стихотворение).

⁶⁶ См. в редакционной статье к сборнику: *Город: Литература. Искусство. С. [3].*

Повторив в публикуемом обзоре, иногда дословно, негативные оценки замкнуто-цеховой поэзии Оцуца и Одосвцевой, данные им в рецензии на альманахи «Цеха»,⁶⁷ Лунц высказывает сочувственное отношение к несовершенным, но обладающим живой поэтичностью опытам участников сборников «Ушкуйники», «Звучащая раковина» (поиск) и приветствует героически-пафосные (составляющие фабулы) стихи Полонской и сюжетные — Тихонова. «Поэт, пишущий плохие стихи, может со временем окрепнуть, стать мастером. Поэт, пишущий стихи, как стихи — ничего не может», — поясняет он в рецензии на альманахи «Цеха».⁶⁸ Обе работы («Новые поэты» и обзорная рецензия на сочинения участников «Цеха»), корреспондируя и дополняя друг друга, составляют единое исследование поэтической школы Гумилева. Примечательно, что все теоретические, публицистические и критические статьи Лунца насыщены знаковыми символами-сцеплениями (повторы фраз и словосочетаний, одинаковая схема развития мысли). Так, статья «На Запад!» построена по той же схеме, что и публикуемый обзор поэзии: критика однообразной, скучной, задавленной общественностью предшествующей литературы, призыв «Серапионовых братьев» к подражательному освоению фабулы западноевропейского романа, поиску, обоснование принципа создания новой литературы на основе фабулы. Выстроенные по временной последовательности написания, все работы Лунца обнаруживают четкую методологическую последовательность развития ключевых идей его литературно-эстетической концепции.

Сведения о публикуемых ниже работах Лунца появились в зарубежном литературоведении в конце 1960-х гг.,⁶⁹ в отечественном — в конце 1990-х гг.⁷⁰ Обе статьи публикуются полностью по беловым автографам, хранящимся в фонде А. Г. Фомина (РО ИРЛИ, ф. 568. № 125, л. 76—85, 210—228), с сохранением индивидуального авторского написания и графических особенностей расположения текста. в отдельных случаях — пунктуации. Купюры, сделанные редактором в обзоре литературы о Блоке, заключены в квадратные скобки. Цифры сносок с круглыми скобками в этом же обзоре и постраничные примечания принадлежат Лунцу, следуемые за ними в некоторых случаях цифры сносок без скобок поставлены публикатором, комментарии помещены в конце публикуемого текста. Подчеркнутые в автографах слова выделены курсивом. Неточности, допущенные автором при цитировании стихотворений, исправлены по печатным источникам. Машинописные копии обзоров хранятся в архиве Лунца в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве.⁷¹

I. ПОСМЕРТНАЯ¹ ЛИТЕРАТУРА О БЛОКЕ

Такова уж участь русского великого человека. Над ним смеются и издеваются; но, стоит ему умереть, как все враги [немедленно] становятся ревностными поклонниками.

⁶⁷ Лунц Л. Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой. С. 50, 51.

⁶⁸ Там же. С. 48.

⁶⁹ Kern G. Lev Luntz, Serapion Brother. Princeton, 1969; Вагинов К. Собрание стихотворений / Сост., послесл. и прим. Л. Черткова. Мюнхен, 1982. С. 129 (Arbeiten und Texte zur Slavistik); Шрик В. Его душа будет завязана в узле жизни. С. 40.

⁷⁰ «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома. С. 67; Русские писатели. XX век. С. 781; Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 403.

⁷¹ РГАЛИ, ф. 2578, оп. 1, № 16 (обзор литературы о Блоке); № 17 (обзор новой поэзии).

Кто ценил Блока при его жизни? — Ничтожная кучка передовой интеллигенции. О толпе уж не говорю, но все наши литературные верхи, — профессора и писатели старой школы, — Блока не понимали. Сперва не понимали и — смеялись, потом не понимали и — молчали.² Помню, когда прошлой весной в Малом театре К. Чуковский дерзко назвал Блока «великим национальным поэтом», аудитория недоверчиво улыбалась: очередной парадокс острого критика!³

А теперь все — начиная с профессоров и кончая политическими обозревателями — все скорбят о «непоправимой утрате», наперебой называют покойного «великим», «гениальным» поэтом.

1

Первыми откликнулись на смерть Блока *газеты*. [И немедленно началось глумление, отвратительный «бой за тело героя».] Революционер Блок или контрреволюционер? Что такое «Двенадцать»: апология революции или насмешка над революцией?⁴

В моем обзоре нет места этим [поистине кощунственным] некрологам.⁵ Одинаково презренны статьи и эмигрантской⁶ и официозной печати, не понимающие и не желающие понять поэта. Потому что сам Блок презирал этих своих «критиков»:

«<...> те, кто видят в „Двенадцати“ политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, — будь они враги, или друзья моей поэмы».^{1) 7}

Поэтому прав был Андрей Белый, открывая заседание Вольной Философской Ассоциации: «Раскромсывателям памяти Блока на части мы скажем: „руки прочь“! Наоборот: соединить воедино раскромсанные политическими партиями и литературными школами, — вот что мы должны сегодня сделать».²⁾

Но... но сам Белый. Он в своей блестящей и умной речи сделал Блока максималистом, «скифом».⁸ Разве это не та же литературная и, если хотите, политическая партийность? Чем лучше Белый П. Когана, который тоже, прикрываясь беспартийностью и наукой, выставил Блока величайшим [духовным] революционером,^{3) 9} [«plus révolutionnaire, que les révolutionnaires mêmes»].¹⁰ Это все тот же кощунственный «бой за тело героя»].

2

За некрологами политическими появились лирические. Блок не пользовался широкой популярностью. Но те, кто любили его, — любили по-настоящему. Смерть поэта потрясла их глубоко. Поэтому все лирические некрологи написаны с удивительной искренностью, с большим скорбным подъемом.

¹⁾ Неопубликованная записка А. Блока, найденная в его рукописях. «Памяти Александра Блока». Вольфила. Стр. 31.

²⁾ Там же. Стр. 7.

³⁾ «Печать и революция», № 2.

Не только друзья поэта, как А. Белый, Вл. Пяст,¹⁾ ¹¹ В. Зоргенфрей,²⁾ ¹² Р. В. Иванов-Разумник,³⁾ ¹³ и не только старые товарищи его по литературе — М. Кузмин,⁴⁾ ¹⁴ Евг. Замятин,⁵⁾ ¹⁵ — но и просто поклонники, знавшие только стихи, только творенья человека, — не могли молчать. Таков Конст. Федин, который всего дважды в своей жизни видел Блока, но который почувствовал, что он должен говорить о Блоке. И его статья — лучшая, самая лирическая, самая скорбная.

«Есть многое в сердце моем о Блоке. Но что это многое — не знаю. И если скажу словами, которыми дано мне говорить, кто поверит, что вижу я образ поэта?»⁶⁾ ¹⁶

У всех, кто по-настоящему любил Блока, есть это «многое в сердце». И никто не может излить «этого многого» — словами. Все лирические статьи бессодержательны, но глубоко искренни. Ни одна статья не передала всей боли, всего горя, но во всех статьях за бесильными словами чувствуется «это многое», искреннее.

И учрежденья, в которых работал покойный писатель, откликнулись. И они искренни, но у них слова звучат еще бессильнее. Вот я прочел в 4-ом номере «Записок мечтателей» скорбные строки от издательства «Алконост». Велико же было мое изумление, когда в статье Иванова-Разумника от имени «Вольной Философской Ассоциации» я нашел те же строки слово в слово.¹⁷ [Забудем, что они безграмотны («Первое чувство — молчание». Разве молчание — чувство?)], но неужели два учреждения не нашли разных слов [для своего горя]?

3

Надо иметь большое мужество, чтоб писать о Блоке ученые или критические статьи. Ведь сам поэт задолго до смерти с ужасом думал о своем будущем истолкователе:

Печальная участь: так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить.¹⁸

Критик и доцент пришли, не побоялись. И, конечно, они правы. Ведь сам Блок был не только поэтом, но и критиком. За какие-нибудь два-три месяца ряд статей, больших и малых, целая толстая книга («Об Александре Блоке», издательство «Картонный домик»)¹⁹ отозвались на смерть Блока. Любовь к [великому] поэту победила даже типографскую неурядицу.

1) «Жизнь искусства».

2) «Записки мечтателей», № 5.

3) «Памяти Александра Блока», Вольфила.

4) «Жизнь искусства».

5) «Записки мечтателей», № 4.

6) «Книга и революция», № 1 (13).

Почти все статьи написаны *наспех*. И все они, в определенном смысле, похожи друг на друга. Все говорят о *пути* Блока, и все устанавливают одинаковые этапы этого пути: Прекрасная Дама — Незнакомка — Россия. Иначе: мир чистой мечты — нисхождение этой мечты в реальный мир — победа над реальностью, завершенная «Двенадцатью». Б. М. Энгельгардт, В. М. Жирмунский, Ю. Верховский,²⁰ и Андрей Белый,²¹ и К. Чуковский,²² и даже Львов-Рогачевский,²³ Бобров^{1) 24} даже — все говорят по существу об одном и том же. Конечно, с вариациями, называя факты разными именами, но основной стержень у всех один.

Мало того: для большинства Блок не цель работы, а средство. У каждого есть готовая философская или историко-литературная схема, и Блок *служит* только ее иллюстрацией. Энгельгардт²⁾ говорит о пути Блока с точки зрения очень тонкой и своеобразной *своей* эстетики. Жирмунский³⁾ на примере Блока повторяет *свое* излюбленное противопоставление романтического и классического мироощущений. Ю. Верховскому⁴⁾ три этапа, пройденные Блоком, помогают развить *его* старую мысль о трех видах поэзии: песенной, пластической и ямбической. «Скиф» Белый, перепевая Иванова-Разумника, говорит о Востоке и Западе, о скифстве и максимализме. Быть может, все это и верно, и законно. Но, все-таки, грустно за Блока... иллюстрирующего теорию.

Разумеется, разделение творчества поэта на три периода справедливо. Но ведь это ясно каждому профану. Не есть ли это самый внешний, поверхностный взгляд? И зловеще звучат вслед за схемами Энгельгардта, Жирмунского и Верховского²⁵ слова Вл. Пяста о том, что самому Блоку эта мысль была так «тревожно-неприятна».^{5) 26}

Гораздо интереснее другая мысль, проходящая уже решительно через все книги, статьи и заметки о Блоке: *трагическая* судьба поэта. Всюду поэт Блок назван «трагическим», «обреченным пророком», «в пути погибшим», все говорят о «трагической обреченности», о роке, о возмездии. И почти всюду поэма «Возмездие» является конечной целью, до которой поэт не дошел, «погиб в пути».

И опять же, каждый критик и ученый говорит об этой трагедии со своей точки зрения. То ли столкновение Блока и современности, то ли религиозная трагедия, трагедия поколения, трагедия символизма и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>. И каждый говорит об этом в своем стиле: тяжелый «философский» синтаксис Энгельгардта, многословная профессорская ясность Жирмунского, истерические каламбуры Белого...

Лучшая статья о трагедии поэта — «Судьба Блока» Б. М. Эйхенбаума.²⁷ Простая, горькая и волнующая.

1) «Символист Блок», «Красная новь», № 5.

2) «В пути погибший», «Об Александре Блоке», сборник издательства «Картонный домик».

3) «Поэзия Александра Блока», там же.

4) «Восхождение», там же.

5) «О первом томе Блока», там же.

Книжка В. М. Жирмунского о Блоке (напечатанная ранее в виде статьи в сборной книге и «здательств»ва «Картонный домик»)²⁸ — единственная попытка дать строго научный анализ Блока. Остальные ученые, писавшие о поэте, от этой *строгой* научности отказались. «Еще не время говорить о нем с историко-литературной точки зрения», — начинает свою статью Б. М. Энгельгардт. Даже такой яркий приверженец «формального метода», — как Б. М. Эйхенбаум, — не решился говорить о композиции и стиле.

А В. М. Жирмунский решился. Но недостаток времени испортил и его интересную научную работу.

Раньше всего: она распадается на две совершенно неспаянных части. От романтического мироощущения ученый круто переходит к лингвистическому анализу стиля. Нет методологического единства.

А сам лингвистический анализ тоже сделан наспех, неполон. Жирмунский считает, что главной особенностью Блока служит метафора. Но уж будто одного только Блока? Конечно, у нашего поэта метафора получила широкое применение, но ведь это ясно каждому: [В. М. Жирмунский на протяжении 42 стр<аниц> ломится в открытую дверь]. И, вскользь упоминая, что Мандельштам и Маяковский «пошли еще дальше Блока», Жирмунский не объясняет, чем же их метафора отлична от метафоры Блока. А выделение «символа», как особого вида метафоры, с лингвистической точки зрения необоснованно.²⁹

За метафорой — интересная глава о ритме Блока и коротенькая заметка о рифме. В общем, ряд ценных разрозненных наблюдений, но никак не исследование.

5

О Львове-Рогачевском умолчу. В его брошюре¹⁾ нет ни одного свежего слова — одна вода, одно общее место.³⁰ Остается книга К. Чуковского.²⁾

Эту книгу мы ждали с особым нетерпением. Ведь Чуковский начал свою работу еще до смерти Блока. Книга написана не «по случаю».

Чуковский не ученый и не критик, а *беллетрист*. Его статьи — рассказы, тонко построенные, с сюжетом, с правильной композицией. Недаром том его статей так и был озаглавлен: «Критические рассказы».³¹

И в этом главное достоинство Чуковского. «Рассказы» его читаются с непрерывным интересом, написаны чистейшим русским языком. Никто никогда не требовал от них — научности.

Но Чуковский — *сатирик*, и только сатирик. Он, как никто, умеет осмеивать недостатки, «приканчивать» писателя. Незабываемы «рассказы» его о Бальмонте — Хлестакове, о Гаршине, о Вербицкой.

1) «Поэт-пророк», «Книгоиздательство писателей», Москва.

2) «Книга об Александре Блоке», и «здательств»во «Эпоха».

А сатирик хвалить не умеет. Положительные типы ему не даны. Крушение второй части «Мертвых душ» — лучшее тому доказательство.

И по той же причине не удалась книга Чуковского о Блоке.

Сатирик считает Блока великим поэтом, но *доказать* этого не может.

В этой книге он отступил от всех своих традиций, оставил форму статьи—рассказа. Вместо эффектного сюжетного построения — логическое, хуже того, научное развитие статьи. Стремление к научности погубило сатирика.

Конечно, книга написана отличным языком. Блещет яркими местами и удачными сопоставлениями. Но нет прежней остроты и единства композиции. Потому что сатирик не умеет и не должен хвалить.

¹ Слово «Посмертная» написано карандашом рукой Лунца над первоначальным заглавием «Литература о Блоке».

² Свод работ о творчестве Блока см.: Блок в критике современников (Аннотированная библиографическая хроника. 1902—1921) / Сост. В. И. Якубович при участии Н. Г. Захаренко, В. В. Серебряновой, Л. С. Шепелевой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 633—826 (Литературное наследство; Т. 92).

³ На вечере Блока в Большом драматическом театре (бывший Суворинский или Малый театр) 25 апреля 1921 г. Чуковский читал отрывки из своей книги о Блоке. В тот же вечер он записал в дневнике: «А вечером ужас — неуспех. Блок был ласков ко мне, как <к> больному. Актеры все окружили меня и стали говорить: „Наша публика не понимает“ и пр<очее>. <...> Блок <...> дал мне цветок из поднесенных ему и шел со мной домой — но я провалился» (*Чуковский К. Дневник. 1901—1929. М., 1997. С. 163*).

⁴ См., в частности: «Ушел в вечность классик революционной русской поэзии, родивший взволновавшие всех своей красотой и загадочностью <...> „Двенадцать“ и „Скифы“» (*Рубинштейн Д. Памяти А. А. Блока // Труд. М., 1921. 10 авг., № 132. С. 1*). См. также: *Адопц Г. <Памяти Блока> // Жизнь искусства. 1921. 9—14 авг., № 798—803. С. 2*; *Смерть поэта А. Блока // Петроградская правда. 1921. 9 авг., № 165. С. 1*; *Ионов Н. Александр Блок // Красная газета. 1921. 10 авг., № 164. С. 3*; *Родов С. Памяти А. Блока // Известия. 1921. 11 авг., № 176. С. 1*.

⁵ Ср. с мнением К. И. Чуковского, высказанным им в письме Е. И. Замятину: «Как-то вскрыли об Ал<ексandre> Ал<ександровиче> в „Правде“! Как будто умер Васья Князев или Демьян. Эх, хочется мне этих шуллеров отшельничать в статье о „Двенадц<ати>“. Но можно ли? Думаю, нельзя. Думаю, что вся статья о „Двенадц<ати>“ есть неслегкащина» (*Е. И. Замятин и К. И. Чуковский. Переписка (1918—1928) / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 211*).

⁶ Некрологи в эмигрантской прессе имели иную тональность. «Выдающийся русский писатель, родоначальник новой школы в русской поэзии, общероссийский наследник А. Пушкина. Могучий талант, блестящий мастер стиха, философ и ученый — он был одним из тех немногих, кем по праву Россия гордилась», — писал П. Н. Милоков в статье «Кончина поэта» (*Последние новости. Париж, 1921. 12 авг., № 405. С. 1*). См. также: *Литовцев. Александр Блок // Голос России. Берлин, 1921. 14 авг., № 736. С. 2*. — Авт.: Поляков С.; *Слоши М. Творческий путь Александра Блока // Воля России. Прага, 1921. 19 авг., № 283. С. 3—4*.

⁷ Лунц цитирует фрагмент записки Блока о поэме «Двенадцать» от 1 апреля 1920 г., впервые озвученной Андреем Белым на заседании Вольфила 28 августа 1921 г. В тот день выступили также Р. В. Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг. Тексты их речей составили сборник «Памяти Александра Блока» (Пб.: Вольфила, 1922). Об этом заседании и воздействии эмоциональной речи Белого на слушателей см. в предисловии А. В. Лаврова к публикации С. С. Гречинкина и А. В. Лаврова «Речь Белого памяти Блока (1921)» (*Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1987. Кн. 4. С. 760—762 (Литературное наследство; Т. 92)*). На независимость своего твор-

чества от политики Блок указывал и в заявлении заведующему Петроградским отделением Госиздата от 7 февраля 1921 г.: «Государственное издательство, насколько мне известно, издает преимущественно партийные и политические книги, вследствие чего партийная и политическая окраска сообщается и всем его изданиям; я же не принадлежу ни к какой партии, и стихи мои не служат политике; поэтому я не хотел бы издавать их в Государственном издательстве, о чем уже сообщал устно товарищу Белопольскому и в заявлении от 15 января. Прошу Петроградское отделение Государственного издательства разрешить мне выпустить III том моих стихотворений в издательстве „Алконост“, наиболее близком по духу к символической школе, к которой я всегда принадлежал. Ал. Блок» (РО ИРЛИ, ф. 291; машиноп. копия).

⁸ Эта же идея развивалась и в выступлении «скифов» в московском Политехническом музее 26 сентября 1921 г. «А. Белый характеризовал А. Блока как поэта народного (выразившего движение души народа) и в образной речи набросал его эволюцию от Прекрасной Дамы до „Двенадцати“. Мстиславский на примере Блока выявлял идеологию скифства», — сообщал журнал «Печать и революция» в хроникальной заметке «Скифы о Блоке» (1921. Кн. 2. С. 240—241).

⁹ Речь идет о статье П. С. Когана «Александр Блок и революция. Памяти поэта» (Печать и революция. 1921. Кн. 2. Август—октябрь. С. 3—7). «Он принял революцию целиком, без оговорок и звал других принять все жертвы и ужасы во имя очищающей силы ее и пламени», — утверждал автор. См. также его некролог «А. А. Блок» (Известия. 1921. 9 авг., № 174. С. 1).

¹⁰ «Более революционером, чем сами революционеры» (франц.).

¹¹ *Пьест Вл.* Умер Блок // Жизнь искусства. 1921. 16—21 авг., № 804. С. 5. В этом номере помещены отклики на смерть Блока Ю. П. Анненкова, М. А. Кузмина, А. Канкаровича, П. Сторичина, М. С. Шагинян.

¹² Статья В. А. Зоргенфрея «Блок» (Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 23—27) проникнута благоговейным преклонением перед «величайшим поэтом современности», гением, чей «высокий и чистый дух» не подвластен смерти. Секретарь издательства «Всемирная литература» В. А. Сутугина, дружившая с Зоргенфреем, вспоминала о его отношении к Блоку: «Мы все любили и преклонялись перед Блоком. Но отношение Зоргенфрея к Блоку было исключительным. Как он сам говорил, разговор с Блоком „был как разговор с тем — с тою, может быть, кого любишь“. Он оставался верным этой дружбе и в то тяжелое для Блока время, когда были написаны „Двенадцать“, хотя, м<ожет> б<ыть>, не все в этой поэме было для него приемлемым. Но тем не менее он не отвернулся от него, как это сделал Гумилев, Пьест и м<ногие> другие» («Воспоминания о работе в издательстве „Всемирная литература“»: РО ИРЛИ, ф. 720, № 4, л. 7).

¹³ Имеется в виду речь Иванова-Разумника на заседании Вольфила 28 августа 1921 г., выступившего с воспоминаниями о деятельности Блока в Вольфиле. См.: Памяти Александра Блока. Пб.: Вольфила, 1922. С. 54—63.

¹⁴ *Кузмин М. А.* Блок // Жизнь искусства. 1921. 16—21 авг., № 804. С. 4.

¹⁵ В журнале «Записки мечтателей» (1921, № 4. С. 11) Замятин поместил некролог «Кончина Блока». В августе 1921 г. он написал «Воспоминания о Блоке», опубликованные с купюрами в 1924 г. (Русский современник. 1924. № 3. С. 187—194). Свод купюр опубликован А. Ю. Галушкиным (Юность. 1988. № 5. С. 73—77). Описание цензурных помет на наборной машинописи «Воспоминаний» см.: «Серапиевны братья» в собрании Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатицина. СПб., 1998. С. 18—19. Речь Замятинна на вечере памяти Блока 15 ноября 1926 г. в Большом драматическом театре опубликована Е. Ю. Лигвин (Литературное наследство. М., 1993. Т. 92. Кн. 5. С. 584—588).

¹⁶ Называя статью Федина (Книга и революция. 1921. № 1. С. 23—25) «самой лирической, самой скорбной», Луцк все же отдавал дань верности «серапиевну братству», членом которого к тому времени (журнал вышел 1 декабря 1921 г.) был и Федин. В этом же номере помещена искренняя и скорбная статья Инн. Оксенова «Петербургский гений» (С. 25—26) и его же рецензия на книгу Блока «Катилина» (Пб., 1919) и пьесу «Рамзес: Сцены из жизни Древнего Египта» (Пб., 1921). Статья Федина, по-видимому, импонировала Луцку и своей стилистикой, нервной, сжатой, динамичной ритмикой фраз, эмоциональным нагнетанием эпизодов. О Блоке пробовал писать и «серапиевну брат» М. М. Зошенко. По свидетельству Е. Г. Полонской, реферативный обзор творчества поэта был подготовлен им в Литературной студии для семинара Чу-

ковского (*Полонская Е. Г. Из литературных воспоминаний 1920-х годов / Вступ. заметка, подгот. текста З. Г. Минц // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1963. Вып. 139. С. 383*). В архиве писателя сохранились несколько вариантов его статьи «Конец рыцаря печального образа: О поэзии Александра Блока» (РО ИРЛИ, ф. 501, оп. 1, № 485). Анализируя творчество поэта с точки зрения эволюции идеи любви, «характернейшей для поэзии Блока», автор считает поэму «Двенадцать» последней стадией, вырождением этой идеи «от Прекрасной Дамы до сомнительной Теклы и реальнейшей Катин» и — закономерным концом Блока. Символично, что один из черновиков был сначала озаглавлен «Конец Блока», а один из наиболее полных вариантов статьи датирован днем смерти поэта, год указан с отточением: «7 августа 19...». Этот вариант опубликован Ю. Томашевским (Прометей. 1987. Т. 14. С. 305—311).

¹⁷ От издательства «Алконост» (Записки мечтателей. 1921. № 4. С. 7) напечатан фрагмент речи Иванова-Разумника на заседании Вольфины 28 августа 1921 г.: «Горько сознание: поэт, первый поэт XX века, глубинный трагический художник ушел от всех нас навсегда. Нам, близким друзьям и сотрудникам его, суждена и иная горечь: ушел от нас человек, начинавший с нами общее дело, вдохновлявший на трудную работу, помогавший словом и делом, сочувствием и сотрудничеством» (см.: Памяти Александра Блока. С. 63).

¹⁸ Неточная цитата из стихотворения Блока 1908 г. «Друзьям».

¹⁹ В сборник «Об Александре Блоке» (Пб.: Картонный домик, 1921) включены статьи Н. Анциферова, Ю. Верховского, В. Жирмунского, Вл. Пяста, А. Слонимского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, Б. Энгельгардта.

²⁰ Речь идет о статьях Б. М. Энгельгардта («В пути погибший»), В. М. Жирмунского («Поэзия Александра Блока»), Ю. А. Верховского («Восхождение») из сборника «Об Александре Блоке».

²¹ Имеется в виду речь А. Белого на заседании Вольфины 28 августа 1921 г.

²² *Чуковский К.* Книга об Александре Блоке. Пб.: Эпоха, 1922.

²³ *Львов-Рогачевский В. Л.* Поэт-пророк: Памяти А. А. Блока. М., 1921.

²⁴ *Бобров С.* Символист Блок // Красная повесть. 1922. № 1 (5). С. 244—250.

²⁵ Близкое Луначу мнение о сборнике высказал московский критик К. Г. Локс: «Надеялись увидеть живое лицо поэта. Этого нет: все в сборнике загромождено отвлеченными рассуждениями о поэзии вообще. <...> Энгельгардт и Верховский подкрепляют именем Блока общие положения теории символизма. Более по существу написана статья Жирмунского, подводящая итоги изучению поэтики Блока» (Печать и революция. 1922. Кн. 1. Январь—март. С. 289).

²⁶ *Пяст Вл.* О «первом томе» Блока // Об Александре Блоке. С. 214.

²⁷ *Эйхенбаум Б.* Судьба Блока // Там же. С. 39—63.

²⁸ *Жирмунский В.* Поэзия Александра Блока. Пб., 1922.

²⁹ Очевидно, Лунач не знал, что статья Жирмунского о Блоке является частью большой работы «Метафора в поэтике русских символистов», подготовленной им в июне 1921 г. для сборника «Записки факультета словесных искусств ГИИИ». На примере поэзии Блока, Брюсова, Белого, Бальмонта, Сологуба Жирмунский рассматривает метафору как средство мировосприятия символизма и дает теоретическое обоснование принципов поэтики символистов. Фрагмент о поэзии Блока, включивший многие положения статьи о метафоре, был выделен им специально для сборника «Об Александре Блоке», вся статья тогда осталась неопубликованной. См. об этом: *Жирмунская-Аствацатурова В. В., Светикова Е. Ю.* В. М. Жирмунский как исследователь поэтики символизма // Новое литературное обозрение. 1999. № 35. С. 215—221. Статья Жирмунского с прим. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой и Е. Ю. Светиковой впервые опубли.: Там же. С. 22—249.

³⁰ Отрицательную оценку книги как поверхностной, содержащей грубые ошибки и натяжки, дал критик А. Цинговатов (Печать и революция. 1922. Кн. 6. Июль-август. С. 284—285). Автор иронизирует над поспешной эволюцией интерпретации Блока как «тихо грезящего поэта», данной Львовым-Рогачевским в изданной им годом ранее книге «Очерки по истории новейшей литературы (1881—1919)», до интерпретации творчества Блока — пророка великой революции.

³¹ В сборник К. Чуковского «Критические рассказы» (Пб.: Шиповник. 1911) включены статьи об А. А. Вербицкой, Ф. Сологубе, А. М. Ремизове, В. В. Розанове, М. Горьком, В. Г. Короленко, И. Е. Репине, А. Н. Бенуа, С. Н. Сергееве-Ценском.

II. НОВЫЕ ПОЭТЫ

Ник<олай> Оцуп: «Град»; Ирина Одоевцева: «Двор чудес»; Сергей Нельдихен: «Органное многоголосье».

«Ушкуйники», альманах; «Звучащая раковина», сборник стихов; «Островитяне», альманах стихов; Конст<антин> Вагинов: «Путешествие в хаос»; С<ергей> Колбасьев: «Открытое море».

Елиз<авета> Полонская: «Знаменья»; Николай Тихонов: «Орда».

1

Что легче писать — стихи или прозу — вопрос праздный. Хорошие стихи и хорошую прозу писать одинаково трудно.

Одно несомненно — плохие стихи писать легче, чем плохую прозу: и скорее и удобнее.

И потом, сейчас в России культура стиха достигла небывалой высоты. А чем выше эта культура, тем легче *строчить* гладко и безошибочно, и тем труднее *творить*.

Ведь все пути заняты. Все Америки открыты. Куда ни бросишься — всюду попадешь на протоптанную дорогу. Ну как писать теперь женщине лирические стихи, когда Ахматова завоевала все перепутья и обвиненья в Ахматовщине неукоснительно встречаются появленью новой поэтессы?

И молодые поэты мечутся в поисках нового, мучительно стараются перепрыгнуть Блока, Мандельштама, Клюева, Маяковского. Оригинальность во что бы то ни стало!

2

Это девиз Ник<олая> Оцупа.¹ Поэт суетится, бросается от одной формы к другой. От точного и спокойного письма Гумилева к нелепой фантастике. От фантастики — к классическим «глубокомысленным» строфам. И снова к хитроумным вывертам и фокусам.

И всюду Оцуп грамотен, [гладок, безошибочен], «цивилизован». Даже в бредовых стихах.

Трудней всего писать фантастические пьесы. Именно потому, что чересчур легко связывать бессвязное, отбрасывать логическую связь. Только большой поэт, вроде Эдгара По, заставляет нас верить самым невероятным причудам своей фантазии. А Оцуп не может убедить нас даже в том, что он сумасшедший:

Маленькая, ты не поверишь,
Что медведь я парижанин,
Царскосел, бергсонист, писатель,
И к тому же я сумасшедший.

Я не верю. Оцуп не сумасшедший — очень трезвый и умелый, но плохой поэт. Ведь он мог сделать себя с равным успехом и Юлием Цезарем, и стулом, и лошастью, и так дальше, без конца и краю. Писать чепуху легко. Но надо сделать ее реальною.

А Оцуп, к тому же, мотивирует свою бессмыслицу *сном*. Ведь во сне все позволительно:

Но едва задремал я, бурно
Зазмеился песок, волнуем
Винтообразным ветром.
Длинноношею голову скрыл я,
И мою двугорбую спину
Охватило ветром свистящим
И от свиста стал я змеиться
И пополз удавом в долину
И проснулся вновь настоящим.

Что ж? — возражать нельзя: сон! И сон у Оцупа повсюду:

И в ту же ночь меня томил
Тяжелый бред...
Я приснился себе медведем.

И, конечно, язык у Оцупа нарочито развязный. Он вводит будничные, не «поэтические» интонации. Но получаются скучные прозаизмы, не больше.²

И, конечно, он пишет модным теперь свободным, прыгающим ритмом. Но ритм этот нисколько не мотивирован, режет ухо, и только.

И, конечно, как «новатор» Оцуп вводит неологизмы. Но с законами русского словообразования не считается, и мы имеем «длинноношею голову», совершенно неудобопроизносимое слово с тремя рядом стоящими гласными.

Да и вообще Оцуп русской грамматики не любит:

Будет он винить жару проклятую
И напрасно ждать ее одной (?)

3

Ирина Одоевцева,³ стремясь к оригинальности, избрала другой путь. Она вспомнила про английскую балладу.

Источник выигрышный. Русские поэты совершенно забыли про удивительную английскую поэзию XIX в. Уж не говорю про Саути и Кидса, но кто знает в России Теннисона или Браунинга?⁴

Одоевцева поступила правильно, обратившись к Англии. Но нельзя переносить чужие формы в родной язык без коренных изменений. В лучшем случае получится стилизация.

Поэтому хороши «Баллада об извозчике» и «Толченное стекло», где чуждая форма взята *иронически*: мелкий советский быт описан с торжественной жутью традиционной баллады.

А «Луна», поэма в 300 с лишним строк, про Графа, Виолетту, графиню de Saint-Arlatte и таинственную незнакомку, звучит как *перевод*. Разве не переводная строчка:

Граф, два слова сказать Вам надо мне.

Или из другого стихотворения:

Вот сейчас я сделаю прыжок.

Сюжет «Луны» не нов, и тянется поэма скучно и водянисто. А балладные приемы у Одоевцевой бедны, повторяются. Вечно у нее в стихах кошка, и всегда она прыгает на окошко:

Взъерошенная кошка
Вскочила на окошко.

Вот вхожу к тебе я рыжей кошкой,
Мягкою, пушистою, большой.
Вспрыгнула бесшумно на окошко.

И прыгнул в окошко черный кот.

Затем: нельзя писать такие «переводные» стихи прыгающим ритмом. Лучшим стихотворением Одоевцевой я считаю «Отрывок» потому только, что он написан твердым размером.

Стивен-Рой, у тебя красный пламенный рот,
Поцелуй же меня, Стивен-Рой!
Кровь рекой потечет, пламя замок сожжет,
И навеки я буду с тобой.

Лирические стихи Одоевцевой бледны и скучны.⁵ У них нет своего лица.

4

А у Нельдихена свое лицо есть. Нельдихен начал с бума.⁶ Но бум быстро приедается и раньше всего самым «шумящим» поэтам. Так шумели и отшумели футуристы, шумел и перестает шуметь имажинизм.

И вот: если за бумом нет ничего — поэт умирает. Если же за бумом кроется нечто — поэт восходит на Парнас и — правее. Кто заподозрит теперь академического Брюсова в бума? А бум был, и какой бум! И Маяковский уже поправел, правее имажинисты.

У Нельдихена есть *ничто*. Есть то, чего нет почти ни <у> одного современного поэта —

миросозерцание.

Законченное, цельное и оригинальное. Недаром все «Органное многоголосье» держится на *афоризме*. Афоризм Козьмы Прутков, но взят он не пародийно. Козьма Прутков — всерьез.

Я говорю это не в насмешку. Смеяться не над чем. И Нельдихен не смеется, когда говорит:

Поцелуй — это то же, что у собак обнюхиванье.

Любовная неудовлетворенность — первопричина
всякой грусти.

Строение стиха не ново. Оно взято у Уитмена и разжижено акмеизмом. Нельдихен обновил — матерьял. Его выигрышный прием — новая идеология: ограниченного человека, легкомысленного и глупого.⁷

И в этом апофеозе тупой праздности Нельдихен достигает совершенства.

Приидите ко мне все дерзающие,
Величественные, полнотелые, лицом прекрасные,
Свободные и простые,
Разгуливающие праздно по улицам,
Живущие только для того, чтобы жить!

Я не люблю смешивать личность поэта с его стихами. Я не хочу сказать, что сам Нельдихен ограниченный лентяй. Конечно, вся эта идеология — прием, не больше, но прием новый и прием мастера.⁸

Русская литература нашла нового *оригинального* поэта, а искатели идеологий в стихах — новую жертву.⁹ Какая лафа для рассуждений о растлении морали и о закате литературы. Сколько слез будет пролито старомодными ревнителями живого слова!

А плакать над русской поэзией из-за Нельдихена не следует. Надо радоваться и — удивляться.

5

Петербургские любители, посещавшие поэтические вечера в «Доме Искусств» и в «Доме Литераторов», уже давно знают Оцуца, Одоевцеву и Нельдихена. Это новый Парнас, «признанные» поэты.

Но вот вышли три сборника — «Ушкуйники»,¹⁰ «Звучащая раковина»,¹¹ «Островитяне»,¹² — объединяющие новичков, никому не известных.

Почти все — ученики Гумилева. Этот большой поэт и замечательный учитель оказал громадное влияние на всю петербургскую молодежь. Он, как никто, вытравлял из ученика все пошлое. Но никогда не навязывал ему *своего*. Он не был узким фанатиком, каким его любили выставлять представители других поэтических течений.

И никто из его учеников не подражает открыто. Но, по-моему, это не достоинство, а недостаток.

Начинающий поэт должен начать с подражания. Вся беда новой русской поэзии в том, что нет твердых традиций. С первых же стихов новичок хочет быть оригинальным, сознательно избегает влияний. И делается вычурным, фальшивым. Не оригинальность, а оригинальничанье!

Только два поэта не побоялись откровенного подражания. Это Ник<олай> Радищев¹³ и Томас Рагинский.¹⁴

В глухие месяцы разлуки
Я стану вспоминать, любя,
Костер, скамью, гитары звуки
И, ненаглядную, тебя.¹⁵

— ” —

Нам осень ранняя шумела
И в кружевной узор вплела,
Как ты плясала, как ты пела
И как ты милым назвала.¹⁶

Конечно, это упрощенный, наивный Фет. — Не более. И не беда, что сладкая сентиментальность Фета у Радищева местами приторна, а тонкая медитативность превращается в пустую, детскую риторику:

Чего ж тебе еще, что хочешь ты, что свищешь?
Пустая, — что шумишь? Надменная, — что ждешь?
Каких еще забот, каких тревог ты ищешь?
Кому еще верна? За кем еще идешь?¹⁷

На то Радищев начинает. Он еще выбьется на свою дорогу.

А Рагинский — еще смелее. Его традиция старинная, чуть ли не архаическая. И, разумеется, эстетсы придут в ужас от его стихов. Ведь он не боится самых избитых эпитетов: «мрачные скалы», «тяжелые крыла», «блещущий металл». И все-таки в его выпрєнных пейзажах бьется добрая старая торжественность:

Вершин зубчатых тень достигла.
Светила блещущий металл
За черноту угрюмых скал
Кровавые роняет иглы.¹⁸

— ” —

Взмахнув тяжелыми крылами,
В соленом воздухе сыром,
Гигантским траурным орлом
Ночь вознесется над горами.¹⁹

О других поэтах говорить — боюсь. Нина Берберова,²⁰ напр<имер>, напечатала в «Ушкунниках» тонкое и выдержанное стихотворение. Но как судить по одной пьесе? И то же приложимо ко всем новичкам. Слишком мало матерьяла.

6

Но на «островитянах» — Вагинове²¹ и Колбасеве²² — можно остановиться дольше. Они выпустили по отдельной книжке стихов. Обе брошюры несовершенные, ученические, но в обеих слышится живая поэтичность.

Вагинов идет за Мандельштамом. Он тоже отмечает логическое движенье стиха, заменяя его фонетическим:

Палец мой сияет звездой Вифлєсема,
В нем раскинулся сад, и ручей благовошный звенит,
И вошел Иисус, и под смоквой плакучею дремлет,
И на эллинской лире унылые песни твердит.²³

Вагинов тоже пытается управлять большими звуковыми массами, строить бессмысленное, но строгое фонетическое здание.

Для этого надо быть Мандельштамом. Вагинов же, сцепляя строки, довольствуется простыми звуковыми ассоциациями:

В нагорных горнах гул и гул, и гром,
Сквозь груди гор во Мцхетах свечи светят.²⁴

Тем не менее в каждой строке Вагинова чувствуется сырая, еще не нашедшая себя, но подлинная поэтическая острота:²⁵

Табун, табун ветров копытами затопчет
Мой малый дом, мой тихий Петербург.²⁶

Или:

Обошел осторожно я дом, обреченный паденью,
Отошел на двенадцать неровных, негулких шагов.²⁷

Поэма Колбасьева «Открытое море» распадается на две части. Бой на море и гибель крейсера написаны сжато и сильно:

Покрыта хрустящей угольной грязью
Железная палуба корабля.

В двух строчках поэт сумел сгустить все описание крейсера. А после резкой картины боя жутко звучат простые слова:

Гладкая вода бежит навстречу,
И, беззвучно рассекая воду,
Сквозь густой туман меня проносит
Полубогоревший серый крейсер.

Но Колбасьев присоединил к этой главной теме избитый мотив туманного Петербурга:

Полным ходом трехтрубный крейсер
Идет через Петербург.

И тут же затасканный мотив двойника:

Это мои, мои глаза
Прямо в упор на меня взглянули.

Дешевый символизм испортил хорошую поэму.

7

Елизавету Полонскую²⁸ и Ник<олая> Тихонова²⁹ я считаю настоящими, большими поэтами.

Хотя бы потому, что оба касаются современных тем, смотрят в глаза Революции. Таких поэтов, особенно у нас, в Петербурге, нет.

А у Полонской есть к тому нечто старое, забытое — *пафос*! Ее голос — голос пророка, властный и горький:

На память о тяжелом годе
Установи себе, народ,
Семь дней на память о свободе
И передай из рода в род!

И с настоящей пророческой страстностью звучат ее обличенья:

Иль не стало в нашей стране
Сьпновьям нашим должного места,
Что мы отдали их войне
И дали им смерть в певесты?

Только сильный поэт может с такой страстью диктовать законы и обличать неправду. И с тем же горьким патетическим подъемом растут пророческие виденья:

Веселые и дерзкие года
Оставшимся достанутся на долю:
Разрушенные битвой города,
Окопами раскопанное поле.
Они увидят землю вдаль и вдаль,
И, наконец, доподлинно узнают,
Как черен хлеб, как солоня печаль,
Как любят нас и как нас убивают.

А стихи Полонской об Иисусе с невиданной — опять же пророческой! — дерзостью восстают на христианскую мораль. И мне смешно, когда благонамеренная критика возмущается этими «кощунственными» стихами, проглядев в них библейский пафос цельного и непреклонного пророка.³⁰

8

Стихи Полонской построены, точно из одного камня, и, в лучшем смысле этого слова, однообразны. Их единое дыханье — пафос.

И вот рядом со «Знаменьями» — «Орда» Ник<олая> Тихонова кажется особенно разнообразной и многоликой. И у Тихонова есть пафос, но поэт никого не обличает и никому не приказывает. Он восторженно принимает и приветствует мир:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.³¹

И он говорит о земле. Только о земле. Ничего о небе.

И все одинаково хорошо удается Тихонову. Он тоже берет английскую балладу, но перелаживает ее по-своему, и звучит она не как перевод, а как новая форма, новая русская героическая баллада:

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.
«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.
И слова равняются в полный рост:

«С якоря в восемь. Курс — ост.
У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.
— Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!».
А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.
«Не все ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».
Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».
Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было б в мире гвоздей.³²

А лирика, которая Полонской не дается ни в какой мере, у земного Тихонова звучит восторженно и ново.

Полюбила меня не любовью,
Как березу огонь — горячо,
Всеселее зари над становьем
Молодое блесгело плечо.³³

Самое замечательное в стихах Тихонова то, что все они сюжетны. *Фабурлой* пронизано все, даже лирика. И поэтому-то стихи его *интересны*, не приедаются.³⁴

И потом, Тихонов умеет *смеяться*. Все так же восторженно и громко.

Старый дьявол чистит ногти пемзой,
С меловых утесов вниз плюет,
И от каждого плевка над Темзой
Гулкий выплывает пароход.

— ” —

Из дубовых вырубать обрубков
Любит он при запертых дверях
Капитанов с компасом и трубкой
И купцов со счетами в руках.³⁵

Это старая Англия. И с той же величественной иронией смеется он над оккупацией японцами Сибири, над Свифтом, над Махно:

Понатешился батька посевом,
Дарит ветер он красным доломаном
И уходит обратно к королевцам,
К снпсусым молдавским банам.
Пусть москаль про его забавы
Королю по проволоке каркал,
Батька пляшет, налево и направо

Раздаст и швыряет подарки.
Пьет и бьет за чаркою чарку,
Снова зубы, как сабли, точит,
И, как угли, дымятся жарко
Завидушие батькины очи.³⁶

Размеры моей статьи не позволяют мне остановиться дольше на этом замечательном поэте. Отсылаю читателей к большой статье Ильи Груздева во втором номере «Новой России».³⁷ О Тихонове надо писать подробно. Ведь «Орда» — событие в русской поэзии.³⁸ Тихонов сумел найти новые тропы и новые рифмы, свежую, гибкую строфу, а земная восторженность его стихов говорит о здоровом вкусе и о твердой уверенности в своих силах.

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди — простым.³⁹

Лев Лунц.

¹ *Оцун Николай Авдиевич* (1894—1958) — поэт, мемуарист, биограф Гумилева. «Град» (Пб.: Цех поэтов, 1921) — первый сборник его стихотворений. В конце 1922 г. Оцун был командирован в Берлин для согласования списка книг, намеченных издательством «Всемирная литература» к печати в Германии, откуда уехал в Париж. Подробнее о нем см.: *Аллен Л.* «С душой и талантом...»: Штрихи к портрету Николая Оцуна // Оцун Николай. Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 3—24.

² Ср. с высказыванием Лунца в его рецензии на альманахи «Цеха поэтов»: «У Оцуна <...> какой-то конгломерат скверных прозаизмов и художочной поэзии» (Книжный угол. 1922. № 8. С. 50).

³ *Одоевцева Ирина Владимировна* (псевд. Ирины Густавовны Гейнке; 1901—1990) — поэтесса, мемуарист. «Двор чудес: Стихи (1920—1921)» (Пг.: Мысль, 1922) — ее первая книжка стихотворений.

⁴ *Саули Роберт* (1774—1843), *Китс Джон* (1795—1821), *Теннисон Альфред* (1809—1892), *Браунинг Роберт* (1812—1889) — английские поэты.

⁵ Эта же оценка лирических стихов Одоевцевой дана Лунцем и в рецензии на альманахи «Цеха поэтов» (Книжный угол. 1922. № 8. С. 51). Противоположным было мнение анонимного рецензента, увидевшего в Одоевцевой несомненного поэта (Книга и революция. 1922. № 7 (19). С. 62).

⁶ *Нельдихен Сергей Евгеньевич* (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер; 1891—1942) — поэт, критик. «Органное многоголосье» (Пб., 1922) — второй сборник его стихотворений. Его некролог на смерть Лунца см.: Россия. 1924. № 2. С. 207—208. Подробнее о нем см.: *Чертков Л., Никольская Т.* Стихи Сергея Нельдихена // *Neue Russische Literatur Almanach*. [Salzburg], 1978. S. 99—100; Неизвестные страницы русской поэзии XX века: Сергей Нельдихен. Мария Шкапская / Сост. и вступ. заметка В. Ю. Бобрцова // Русская литература. 1991. № 3. С. 209—210; *Дмитренко А. Л.* О воспоминаниях Сергея Нельдихена // *De Visu*. 1994. № 3/4. С. 69—72. Упомянув о буме, Лунц, очевидно, имеет в виду шокирующие публику выступления Нельдихена на поэтических вечерах Дома Искусств и Дома Литераторов. См., в частности, заметки М. Л. Слонимского, назвавшего поэзию Нельдихена «вздутожилой» (так! — Т. К.): *Слонимский М.* На вечере петроградских поэтов // Жизнь искусства. 1920. 3—5 янв. № 334. 336. С. 1; *он же.* Вздутожилая поэзия (На вечере поэтов) // Там же. 19 окт. № 586. С. 1.

⁷ Ср. с воспоминаниями Н. Оцупа: «Из поэтов, вскормленных революцией, мы знали Тихонова, знали Нельдихена. Куда исчез этот интереснейший Уог Уитмен в российском издании, которого Пяст считал гениальным, а Гумилев, любя, назвал апостолом глухоты?» (*Оцуп Н. Современники*. Париж, 1961. С. 164).

⁸ Ср. с его же оценкой стихотворений Нельдихена, напечатанных в альманахах «Цеха поэтов»: «Единственный интересный поэт из всей молодежи „Цеха“ Сергей Нельдихен. Хорош он тем, что пишет плохие стихи. Да это, собственно, и не стихи. Но и не проза. И не стихотворение в прозе. — Это проза в стихах. Стихи Нельдихена единственно плохие стихи в Альманахах, и этим они лучше всех других» (Книжный угод. 1922. № 8. С. 51—52).

⁹ Слова Луица оказались пророческими в буквальном смысле слова. В 1929 г. книга Нельдихена «С девятнадцатой страницы» квалифицирована критикой как «манифест классового врага в области поэзии» (*Македонов Адриан*. [Рец.] // На литературном посту. 1929. № 21—22. Ноябрь. С. 87). Вскоре он был исключен из Союза поэтов, в 1931 г. арестован и сослан в Среднюю Азию. В июне 1941 г. арестован вторично, скончался в заключении.

¹⁰ В сборнике «Ушкуйники» (Пб., 1922), изданном по инициативе и на средства прозаика, переводчика, мемуариста *Николая Корнеевича Чуковского* (псевд. Ник. Радищев; 1904—1965), поменские первые участники кружков «Звучащая раковина» и «Островитяне»: Н. Берберовой, К. Вагинова, П. Волкова, Н. Дмитриева, Иды и Фредерикс Наппельбаум, Н. Радищева, А. Столярова, Н. Тихонова. Об истории его создания см. в кн.: *Чуковский Н. Литературные воспоминания*. М., 1989. С. 153—157. Критика, привыкшая к альманахам, традиционн объединяющим членов одного кружка или направления, встретила сборник с удивлением: «Почему они объединились в этом альманахе с буйным названием „Ушкуйники“. — неизвестно. У них нет ни достаточного овладения формой, ни той яркости содержания, которая позволила бы сказать: „А вот у них что за душой“. <...> Лица своего нет ни у кого из участников сборника, кроме Тихонова» (*Павлов Мих.* [Павлович Н. А.]. [Рец.] // Книга и революция. 1922. № 7 (19). С. 64). См. также неопубликованную сочувственную рецензию Я. Торна (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 153).

¹¹ В сборник стихотворений «Звучащая раковина» (Пб., 1922), посвященный Н. С. Гумилеву, включены стихотворения участников одноименного поэтического кружка К. Вагинова, П. Волкова, Д. Горфинкеля, Н. Дмитриева, О. Зив, В. Лурье, В. Миллера, сестер Наппельбаум, Т. Рагилского-Карсейво, Н. Радищева, А. Столярова, Н. Суриной, А. Федоровой.

¹² В альманахе «Островитяне» (Пб., 1922) представлены стихотворения членов одноименного поэтического содружества, созданного в 1921 г. поэтами К. Вагиновым, П. Волковым, С. Колбасевым, Н. Тихоновым. В кружке принимали участие также В. И. Лурье, Е. Г. Полонская и Вс. А. Рождественский. По свидетельству Тихонова, программа кружка была изложена в манифесте, опубликованном И. Эренбургом в Праге. «Мы заявляли в нем, что самый простой рассказ, который должен быть сейчас рассказан, это рассказ о земле и человеке, и мы ставили себе скромную задачу приблизиться к этому простому и ясному рассказу» (*Тихонов Н. Устная книга* // Тихонов Н. С. Собр. соч.: В 7 т. М., 1986. Т. 6. С. 25). В издательстве с одноименным названием вышли также книги Н. Тихонова «Орда: Стихи 1920—1921» (Пб., 1922) и С. Колбасева «Открытое море: Петербургская поэма» (Пб., 1922). Первоначально альманах «Островитяне» и книга Тихонова «Орда» планировались к выходу в издательстве «Наши дни». См. об этом в заявлении журналистов Д. Д. Скворцова и С. С. Касперович в Государственное издательство от 28 января 1922 г. с просьбой о регистрации издательства и отрицательной резолюцией Госиздата: ЦГАЛИ СПб., ф. 35, оп. 1, № 47, л. 36—37. См. сочувственные отзывы об альманахе: *Выгодский Д.* Островитяне // Жизнь искусства. 1922. 23 мая, № 20 (843). С. 4; *В. П.* [Рождественский Вс. А.]. [Рец.] // Книга и революция. 1922. № 7 (19). Август. С. 63—64. Подробнее о группе см.: *Anemone A., Martynov I.* The Islanders Poetry and Polemics in Petrograd of the 1920 s. // Wiener Slavistischer Almanach. 1992. Bd 29. S. 107—126; *Дмитренко А. Л.* К истории содружества поэтов «Островитяне»: Машиннописный альманах // Русская литература. 1995. № 3. С. 209—224.

¹³ В 1921—1922 гг. Н. К. Чуковский (Ник. Радищев) примыкал к группе «Серапионовы братья» как младший «серапион», в 1919—1921 гг. занимался в семинаре Гумилева в Литературной студии Дома Искусств. О его юношеских стихотворениях одоб-

ригательно отзывался М. Горький; В. Ходасевич считал его поэтом, подающим большие надежды. Единственный сборник стихотворений Н. Чуковского «Сквозь дикий рай» (Л.: ИПЛ, 1928), посвященный красоте природы, «жизни простому значению», оказался несозвучным времени социальных изменений. Критика отметила в нем «настроения внутренней эмиграции», поиски «забвения в мистических сферах», «махрово-реакционное мировоззрение автора» (*Кондаков А.* Махровая реакция // *Рост.* 1930. № 8/9. С. 42). Со второй половины 1920-х гг. писал повести и романы, стилистически тяготеющие к традициям классической литературы.

¹⁴ *Рагинский-Карейво Томас Георгиевич* — поэт, член кружка «Звучащая раковина». Работал статистиком. В сентябре 1921 г. Всероссийский союз писателей (Петроградское отделение), ходатайствовавший перед Губчека о возвращении рукописей Гумилева, изъятых при аресте, поручил Рагинскому их получение в Губчека (см. письмо правления Союза в Петрогубчека от 5 сентября 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 291). С 1923 г. жил в Ялте. Крестный отец дочери Вс. Иванова. См. об этом в письме Н. Тихонова Л. Луницю, написанном в октябре 1923 г.: Лев Луниця и «Серапионовы братья» / Публ. и коммент. Г. Керна // *Новый журнал.* 1966. № 82. С. 174. См. также примечания А. Л. Дмитренко к публикации: *Грудцова О.* «Довольно, я больше не играю...»: Повесть о моей жизни // *Минувшее: Исторический альманах.* М.; СПб., 1996. [Вып.] 19. С. 121.

¹⁵ Фрагмент стихотворения Н. Чуковского из сборника «Звучащая раковина» (Пб., 1922).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Фрагмент стихотворения Н. Чуковского «К душе» из сборника «Ушкуйинки» (Пб., 1922).

¹⁸ Фрагмент стихотворения Рагинского из сборника «Звучащая раковина».

¹⁹ Там же.

²⁰ *Берберова Нина Николаевна* (1901—1993) — поэтесса, мемуарист. Член кружка «Звучащая раковина». В 1921—1922 гг. часто бывала на «литературных субботках» «Серапионовых братьев». Особенно была дружна с «младшим серапионом» Н. К. Чуковским (см. об этом: *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. С. 118—121). В июне 1922 г. вместе с В. Ф. Ходасевичем уехала за границу. Ее некролог на смерть Луниця см.: *Дни.* Берлин, 1924. 1 июня. С. 7—8. На вечере памяти Луниця 9 апреля 1924 г. в Париже выступала с воспоминаниями о нем. См. об этом в письме В. С. Познера А. М. Ремизову: «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. СПб., 1998. С. 177. Впоследствии опубликовала воспоминания о «серапионах» и письма к ней Луниця (*Берберова Н.* Из петербургских воспоминаний: Три дружбы // *Опыты.* Нью-Йорк, 1953. Кн. 1. С. 169—180).

²¹ *Вагинов Константин Константинович* (наст. фам. Вагенгейм; 1899—1934) — поэт, прозаик. В 1920-е гг. — член разных поэтических объединений: «Цех поэтов», «Звучащая раковина», «Аббатство Гаеров», «Кольцо поэтов имени К. М. Фофанова», «Островитяне», «Обэриу» (1927). «Путешествие в хаос» (Пб.: Изд. Кольца поэтов, 1921) — его первая книга стихотворений. Подробнее см. о нем: *Никольская Т. Л.* О творчестве Вагинова // *Материалы XXII научной студенческой конференции.* Тарту, 1967. Ч. 1. С. 94—100; *Чертков Л.* Поэзия Константина Вагинова // *Вагинов К. К.* Собрание стихотворений. Мюнхен, 1982. С. 213—230; *Никольская Т. Л.* К. К. Вагинов: Канва биографии и творчества. Библиография // *Четвертые Тыняновские чтения.* Рига, 1988. С. 67—88; *она же.* Трагедия судакос // *Вагинов Константин.* Колзяная песнь. Труды и дни Свисгонова. Бамбочада. М., 1989. С. 5—18.

²² *Колбасьев Сергей Адамович* (1898—1937?) — поэт, прозаик. «Открытое море» — его первая книга стихотворений. См. о нем: *Кондрищенко Э.* «...Ветер отвечает кораблю» // *Литературное обозрение.* 1987. № 10. С. 108—109; *Колбасьева Г. С.* Сергей Колбасьев // *Жизнь Николая Гумилева.* Л., 1991. С. 315—317.

²³ Фрагмент стихотворения из сборника «Звучащая раковина».

²⁴ Фрагмент стихотворения из сборника «Островитяне».

²⁵ Ближкое мнение о поэзии Вагинова высказывал и Вс. Рождественский: «Логические несообразности Вагинов часто оправдывает верностью своего звукового рисунка — редкий пример фонетического воображения. На этом построена дикая книжка „Путешествие в хаос“, книжка очень юная, плохого вкуса, но живая несомненно» (*Книга и революция.* 1922. № 7 (19). Август. С. 63).

²⁶ Фрагмент стихотворения из сборника «Звучащая раковина».

²⁷ Там же.

²⁸ Об истории издания первой книги Полонской «Знаменья: Стихотворения» (Пб.: Эрато, 1921) см.: *Полонская Е.* Начало двадцатых годов // Простор. 1964. № 6. С. 110—119. В оценке этого сборника с Лунцем был солидарен и Б. Эйхенбаум: «Стихи Полонской выделяются своей экспрессией: в них чувствуется мускульное напряжение, в них есть сильные речевые жесты» (Книжный угол. 1921. № 7. С. 40—42). Иннокентий Оксенос называл стихи Полонской «подлинным подвигом» (Книга и революция. 1921. № 1 (13). С. 61—62). Иного мнения придерживался П. К. Губер, прозаик, критик, сотрудник дореволюционных газет «Русская мысль», «Речь»: «Когда поэтов много, то случается, что поэзией, следуя инстинкту подражания, начинают заниматься люди, у которых нет для того ни малейших данных и которым гораздо лучше было бы изучить какое-нибудь полезное ремесло» (*Губер П.* Новые сборники стихов // Летопись Дома Литераторов. 1921. № 3. С. 9). О Е. Г. Полонской см. также в прим. 17 к предисловию.

²⁹ Первая книга стихотворений *Николая Семеновича Тихонова* (1896—1979) «Орда: Стихи 1920—1921» (Пб.: Островитяне, 1922) вышла с посвящением Вс. А. Рождественскому. Об истории ее издания Тихонов рассказывал: «В 1922 г. вместе с С. Колбасьевым он издает на свои средства (2 пары белья и 2 седла) книгу стихов 1-ю — „Орда“. Издание сначала не покупается вовсе, потом расходится без остатка. В книгу вошло 30 стихотворений из 500, написанных за эти годы» (*Тихонов Н.* Моя жизнь: Автобиография // Красная панорама. 1926. № 41, 8 окт. С. 7; автобиография написана от третьего лица). Во второй номер журнала «Ирида» была включена и одобрительная рецензия Н. П. Каткова на книгу «Орда» (РО ИРЛИ, ф. 568, № 125, л. 294—296).

³⁰ Н. А. Павлович, в частности, отмечала неблагоприятный тон стихов Полонской об Иисусе, злобный, истеричный характер ее гнева (Летопись Дома Литераторов. 1922. № 8/9. С. 9).

³¹ Фрагмент стихотворения из книги «Орда».

³² Фрагмент «Баллады о гвоздях», впервые опубликованной в его книге «Брага: Вторая книга стихов. 1921—1922» (М.; Пг.: Круг, 1922).

³³ Фрагмент стихотворения из книги «Орда».

³⁴ Ср. с мнением Я. Торна о стихотворениях Тихонова из сборника «Ушкуйники»: «На стихах Ник<олая> Тихонова хочется остановиться. Они крепки, цельны и обнаруживают черты собственного поэтического мироощущения. Даже прямая зависимость от Гумилева не мешает их суровому своеобразию. Экзотики (так! — Т. К.) и сюжетность — вот, очевидно, задания, поставленные поэтом. <...> Так или иначе, пустых строчек у него не будет и строфа всегда явит истинную стремительность взволнованного рассказа. Тон стихов — героически-приподнятый» (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 153, л. 2).

³⁵ Фрагмент стихотворения «Англия» из книги «Орда».

³⁶ Фрагмент стихотворения «Махно» из альманаха «Серрапионовы братья: Заграничный альманах» (Берлин, 1922).

³⁷ В журнале «Новая Россия» статья «серрапиона» *Ильи Александровича Груздева* (1892—1960) не появилась. После выхода второго номера журнал был закрыт, с августа 1922 г. выходил под названием «Россия». Лунц, вероятно, читал статью, планировавшуюся для этого номера, в рукописи. обстоятельная обзорная работа Груздева «Русская поэзия в 1918—1923 гг. (К эволюции поэтических школ)» о закономерностях развития поэзии, судьбах символизма, акмеизма, футуризма напечатана в журнале «Книга и революция» (1923. № 3 (27). С. 31—38). Творчеству Тихонова посвящен небольшой абзац.

³⁸ Восторженное мнение о стихах Тихонова Лунц высказывал и в письме Горькому от 9 ноября 1922 г.: «Жаль, что Вы не успели познакомиться с Ник<олаем> Тихоновым. Это неординарный, интереснейший человек, а стихи его я считаю событием в нашей поэзии. Совершенно необыкновенный напор, пафос, сила!» (Переписка Л. Н. Лунца с М. Горьким / Предисл., публ. и прим. А. Л. Евстигнеевой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. [Вып.] 5. С. 343).

³⁹ Фрагмент стихотворения из книги «Орда».